

**протоиерей Георгий Митрофанов**

**Антон Владимирович Карташёв – русский богослов и церковный историк, государственный и общественный деятель**  
**протоиерей Георгий Митрофанов**

Два года назад исполнилось 125 лет со дня рождения одного из самых замечательных выпускников и преподавателей Санкт-Петербургской Духовной Академии, ведущего профессора Свято-Сергиевского богословского института в Париже – Антон Владимировича Карташёва. Тот выразительный факт, что столь значительное для всей русской церковной жизни событие не получило сколь либо значительного резонанса даже среди представителей современной церковно-исторической науки свидетельствует о продолжающем сохраняться в нашей церковной жизни с печальных советских времен историческом беспомыслии, преодолеваемом лишь в случаях, когда высшая церковная власть благословляет нас почитать деятелей нашего церковно-исторического прошлого как уже канонизованных в лике святых. А между тем труды А.В. Карташёва продолжают и по сей день не только оставаться достоянием узкого круга ученых специалистов в области церковно-исторических исследований, но и являться во многом основополагающими учебными пособиями для поколений воспитанников духовных школ, изучающих по ним курсы русской церковной истории и истории древней Церкви. Выдающийся богослов и крупнейший русский церковный историк XX века, самоотверженно служивший Церкви и России государственный и общественный деятель, замечательный православный педагог и блестящий церковный публицист – А.В. Карташёв поразительным образом соединил в своей долгой жизни и многогранном творчестве три эпохальных этапа трагической русской истории XX века – исполненный противоречивых духовных исканий «серебряный век», вдохновенную беспредельной любовью к России белой борьбу с богоборческим коммунизмом и ставшее для него творчески самым плодотворным духовно-исторического подвижничество русской церковной эмиграции.

«Антон Владимирович Карташёв родился 11 июля 1875 года в Кыштите на Урале. Его дед был крепостным рабочим на горном заводе,

который благодаря своим способностям и упорному труду стал управителем завода. Отец, родившийся в 1845 году, оставался крепостным до 16 лет. После освобождения он быстро пошел в гору, стал волостным писарем, земским гласным и кончил жизнь членом земской управы. Семья переехала в Екатеринбург, стала горожанами. Карташёвы были туляки, вывезенные на Урал для работы на рудниках. Они принадлежали к тем крепким, даровитым русским людям, которых не могло сломить даже крепостное право. На них созидалось российское государство»<sup>1</sup>.

Как подчеркивается в автобиография А.В. Карташёва «Пафосом семьи было «выйти в люди» путем образования. Позади была тьма крепостной зависимости, в настоящем – радость свободы, и в будущем – светлые надежды на лучшую жизнь в свете «просвещения». Александра 11-го боготворили, как «нашего царя-Освободителя. Александра 1-го не иначе называли, как Благословенным за то, что «нас» хотел освободить»<sup>2</sup>.

С раннего детства отличаясь глубокой религиозностью, формировавшейся в нем на основе традиционного литургического благочестия А.В. Карташёв уже в восемь лет был посвящен в стихарь епископом Екатеринбургским Нафанаилом (Леандровым). Поставленный в епископа из вдовых протоиереев епископ Нафанаил проявил подлинно отеческую заботу о будущей судьбе поразившего его своим глубокой детской верой мальчика и убедил родителей отправить их сына в духовное училище, которое справедливо считалось в крестьянской среде школой, предназначавшейся лишь для детей духовенства. Окончив в 1888 году духовное училище, А.В. Карташёв поступил в Пермскую духовную семинарию. В отличие от многих мыслящих семинаристов той эпохи А.В. Карташёв сумел избежать в стенах «победоносцевской» семинарии духовного кризиса, который был бы чреват для него переоценкой традиционных церковных ценностей. Блестяще завершив свое обучение в духовной семинарии, А.В. Карташёв в 1894 году был отправлен на казенный счет для продолжения своего богословского образования в Санкт-Петербургскую Духовную Академию.

Поступив в Санкт-Петербургскую Духовную Академию в период, когда в ней продолжала сохраняться одухотворенная, творческая атмосфера, созданная одним из ее лучших ректоров будущим митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским), А.В. Карташёв со свойственными ему последовательностью и основательностью приступил к изучению всего комплекса учебных дисциплин, уровень преподавания которых в академии разительно отличался от весьма «провинциального» уровня мертвящей семинарской

схоластики. Открыв для себя поистине необъятный мир не только отечественной, но и мировой богословской науки, А.В. Карташёв уже в студенческие годы стал отдавать предпочтение изучению церковно-исторических дисциплин. Его очевидные выдающиеся успехи именно в этой научной области обусловили оставление А.В. Карташёва в 1899 году профессорским степендиатом при кафедре русской церковной истории. Однако уже через год, после смерти профессора П.Ф. Николаевского Совет академии возложил на молодого кандидата богословия основную лекционную нагрузку на кафедре русской церковной истории, которую А.В. Карташёв уже в качестве доцента нес в течение почти пяти лет. Именно в журнале Санкт-Петербургской Духовной Академии «Христианское чтение» в 1903 году была опубликована статья А.В. Карташёва «Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории», которой суждено было стать первым значительным шагом ученого на пути к созданию его основного труда по русской церковной истории и, возможно главного труда его жизни, «Очерков по истории Русской Церкви».

Обучение и преподавание в Санкт-Петербургской Духовной Академии не замыкали А.В. Карташёва в академических стенах. Находясь в научной и культурной столице Российской Империи, молодой ученый все более обращался к разнообразным проявлениям культурной жизни Санкт-Петербурга, пытаясь сопрягать в своем мировоззрении бурно развивавшееся на его глазах литературное и философское творчество «серебряного века» с духовными традициями церковного предания. Именно эта, проявившаяся уже на первоначальном этапе его мировоззренческого развития тенденция побудила А.В. Карташёва стать деятельным участником Религиозно-философских собраний, которые с архипастырского благословения митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) и административного позволения обер-прокурора К.П. Победоносцева стали проходить в столице под председательством ректора Санкт-Петербургской Духовной Академии епископа Сергия (Страгородского) в 1901–1903 годах. Представлявшие собой уникальный в истории русской культуры опыт свободного духовного и интеллектуального диалога между представителями русского православного духовенства с представителями секуляризованной, но религиозно взыскующей русской научной и художественной интеллигенции Религиозно-философские собрания стали важным этапом в становлении духовного мировоззрения А.В. Карташёва и обусловили возникновение в его жизни очень значимых для этого церковного ученого

личных взаимоотношений со многими выдающимися деятелями русской культуры XX века, как, например, с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Как справедливо отмечал Н. Зернов, «для Карташёва и некоторых других представителей церковных кругов политическая активность интеллигенции, ее постоянная готовность усомниться в признанных авторитетах, смело размышлять и экспериментировать явились как бы ответом на собственные вопросы, помогли изменить свои взгляды и направить энергию в новые русла»<sup>3</sup>.

Закрытие по указанию обер-прокурора К.П. Победоносцева Религиозно-философских собраний в 1903 году не обусловило прекращения А.В. Карташёвым своего участия во все более активизировавшейся церковно-общественной жизни Санкт-Петербурга. Несмотря на свою огромную занятость в Духовной Академии А.В. Карташёв начал регулярно публиковать свои статьи на различные темы в церковных и светских периодических изданиях, ознаменовав тем самым начало своей плодотворной публицистической деятельности, которой в течение многих десятилетий суждено было занимать важное место в его творчестве. Вынужденный подчас выступать в светских изданиях под псевдонимом, А.В.Карташёв стремился в своем публицистическом творчестве отзываться на многие актуальные вопросы церковно-общественной жизни, среди которых наибольшее значение приобретал в это время вопрос о созыве Поместного Собора. Именно с Поместным Собором связывали свои надежды на проведение широких церковных преобразований как значительная часть русской церковной иерархии во главе с митрополитом Санкт-Петербургским Антонием, так и многие представители возвращавшейся в лоно Церкви русской интеллигенции, среди которой все более заметную роль играли бывшие участники Религиозно-философских собраний, в том числе и молодой приват-доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии А.В. Карташёв. «После образования раскола старообрядства и петровской церковной реформы, – писал А.В. Карташёв на страницах «Церковного вестника» в 1905 году, – в нашей Церкви не произошло ничего более важного и основоположительного, чем то, чему свидетелями являемся мы в настоящую минуту. Началась ни более, ни менее, как реформа Церкви. Началось то, о чем наша Церковь втайне вздыхала целых двести лет и особенно за последнее столетие, когда она могла обнять свое положение научно и богословски просвещенным взглядом. Вздыхала, но не в состоянии была ничего предпринять для изменения создавшихся отношений, потому что слишком глубоко дисциплинировала себя в сторону послушания интересам

государственным, точнее – государственным чиновникам. Дисциплина эта довела ее до потери всякого дерзновения, всякой инициативы, так, что все перемены, происходившие в ее строе и жизни, были только отголоском соответствующих движений государственно-общественных; Церковь шла по пятам общества и никогда впереди, шла как бы вынужденно, а не свободно. Таким образом, коренная реформа нашей Церкви началась именно в этом году потому, что она не могла теперь не начаться. Ее необходимо выдвинула на очередь происходящая государственно-общественная буря»<sup>4</sup>.

Однако не смотря на то, что стремление к созыву Поместного Собора стало проявляться в 1905 году не только среди представителей русской церковной иерархии, но и в высших государственных сферах, публицистическая деятельность молодого преподавателя Духовной Академии встретила настороженное к себе отношение со стороны ее ректора епископа Сергия (Страгородского). Всегда обладавший поразительной способностью чутко улавливать умонастроения государственно-бюрократического начальства, которым для него в то время оказывался обер-прокурор К.П. Победоносцев, епископ Сергей поставил А.В. Карташёва перед выбором между продолжением его публицистической и церковно-общественной деятельности и дальнейшим пребыванием в стенах Санкт-Петербургской Духовной Академии. Убежденный в актуальности для Русской Православной Церкви в период подготовки Поместного Собора широкой творческой церковно-общественной дискуссии А.В. Карташёв предпочел избрать для себя сферу зарождавшейся в это время свободной от мелочной церковно-бюрократической опеки церковной науки. Так молодой, но уже искушенный житейски бюрократической мудростью епископ, которому суждено будет стать первым Патриархом коммунистического периода истории Русской Православной Церкви, по существу вынудил уйти 22 сентября 1905 года из стен их общей alma mater молодого, но не желавшего считаться с не писанными правилами ведомства православного исповедания доцента, которому суждено будет стать не только крупнейшим русским церковным историком XX века, но и одним из ведущих деятелей русского антикоммунистического движения.

Погрузившись на многие годы в активную публицистическую деятельность на страницах таких ведущих органов периодической печати как, например, «Речь» и «Русское слово», «Новый путь» и «Русская мысль», укрепляя свои мировоззренческие и дружеские связи с такими выдающимися деятелями русской религиозного возрождения

начала XX века, как священник Константин Аггеев, С.Н.Булгаков, С.Л.Франк, основателями «Христианского братства борьбы» В.П.Свенцицкий и В.Ф.Эрн, А.В.Карташёв продолжал оставаться прежде всего серьезным ученым специалистом, стремившимся не только расширять свою научную эрудицию, но и продолжать свою преподавательскую деятельность. Совмещая с 1906 года на протяжении многих лет возглавление кафедры русской церковной истории на Высших Женских (Бестужевских) Курсах со службой в Императорской Публичной Библиотеке, А.В.Карташёв постепенно формировался как универсальный научный исследователь и вдумчивый педагог, способный доносить сложнейшие богословские и церковно-исторические проблемы до самой разнообразной аудитории. Будущий ректор Свято-Сергиевского богословского института в Париже епископ Кассиан (Безобразов) следующим образом вспоминал свою первую встречу с А.В.Карташёвым в Санкт-Петербурге, которая произошла именно в этот период времени. «В свои студенческие годы я очень много слышал об Антоне Владимировиче от знакомых курсисток, ценивших его лекции чрезвычайно высоко. Но познакомился я с ним только по окончании Университета, когда я был одновременно оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию и причислен к Публичной Библиотеке в качестве «вольнотруждающегося» по отделению Богословия. Это было в сентябре 1914 г. Моим первым начальником по службе был Антон Владимирович. Мне было тогда двадцать два года. Я увидел Антона Владимировича за его работой ученого библиотекаря и могу засвидетельствовать, что пополнение библиотеки научно-богословской литературой в размахе старой дореволюционной России было ученой заслугой Антона Владимировича, зорко следившего за специальной библиографией и не отстававшего от движения науки. Всем

нам известный богословский «энциклопедизм» Антона Владимировича уже тогда поражал его сотрудников. Опыт беженства, открывший нам заграничные книгохранилища, показал нам, что в последние предреволюционные годы, Богословское Отделение Петербургской Публичной Библиотеки стояло на большей высоте, и его книгохранилища были богаче»<sup>5</sup>.

Именно в этот период у А.В.Карташёва сформировываются основополагающие духовно-мировоззренческие и научно-методологические взгляды, которые в дальнейшем позволят ему творчески сочетать в своей деятельности последовательную приверженность православной церковной традиции с дерзновенным научным

исследованием современного ученого. Впоследствии, размышляя о принципах подлинно церковного научного творчества, А.В.Карташёв напишет: «Православно-церковная наука отправляется от истин, имеющих для нее обязательность абсолютную, от истин божественного откровения, не подлежащих ни отмене, ни изменениям. Эти спасительные истины ветхозаветного и новозаветного откровения, осознанные и истолкованные церковными авторитетами – учителями, святыми отцами, соборами, -православная наука обязана изучать всеми методами: историческим, сравнительным, философским, – уяснять, углублять, доказывать, излагать защищать, но никоим образом не отменять, не подменять, не переделывать, не искажать. Скажут: где же тут свободное научное искание, если заранее все известно и предписано? Прежде всего, помимо аналогии с данными предпосылками и рабочими гипотезами в других науках, здесь далеко «не все известно и не все предписано». Не говоря уже о широчайшей области исторических, археологических, филологических задач по изучению христианства и истории церкви, самое богооткровенное учение церкви дано нам лишь в зачатках, эмбрионах, основах, почти

только в намеках, по слову апостола «якоже зеркалом в гадании». Лишь часть этого апостольского залога веры в процессе борьбы с ересями доведена церковью до некоторой теоретической чеканки в догматических формулах. Как наилучшие, по мерке бывшего исторического опыта, эти формулы далеко не исчерпывают, да и не могут исчерпать бездны иррациональной тайны догматов... Неисчерпаемое, содержание учения откровения есть предмет бесконечного постижения для тварных умов. Лишь глупцам кажется, что все ясно и не нужно никакой философии. Лишь невежды думают, что учение церкви раскрыто до конца и ни человеческому уму, ни богословской науке, ни всей церкви на этом поприще более ничего не остается делать, кроме тверждения задов. Для верующих умов, зрячих и неленивых, только тут-то и начинается работа дальнейшего постижения откровения, где остановились труды и усилия давших нам пример богословского и ученого подвига святых отцов и писателей церкви»<sup>б</sup>.

Не оставляя за рамками своих научных изысканий хотя бы на уровне работы с библиографией практически ни одной значительной проблемы в современной ему богословской науке, в своей исследовательской деятельности А.В.Карташёв всегда отдавал приоритет церковно-исторической проблематике, обосновывая эту особенность своего научного творчества серьезной богословской аргументацией. «Никакой

вид христианства, – писал А.В.Карташёв, – не может быть религией внеисторической, т.е. не вводящей историю человечества в круг своего догматического умозрения и мистической оценки. Это принадлежит христианству по его существу, унаследованному от библейского корня. Среди всех религий мира нет более исторической, чем религия Ветхого Завета. Это она дала нам и первый очерк, и план, и тип всемирной истории. Исходя из библейской хронологической схемы, Евсевий Кесарийский и

нас как бы заковал в эти рамки навсегда. Самой истории мы научились, и сознали, и нашли свое историческое место только благодаря этой библейской, или священной истории. Ее Бог – Бог истории. Он открывается именно в истории. Весь его провиденциальный план воплощается в истории. От «предвечного совета» о миротворении до сотериологической эсхатологии все содержание библейской религии воплощается в фактах истории и действиях исторических лиц»<sup>7</sup>.

Однако преподавание на профессорской кафедре на Высших Женских (Бестужевских) Курсах и научно-библиографическая деятельность не исчерпывали многогранных трудов А.В.Карташёва в последовавшее за оставлением Санкт-Петербургской Духовной Академии десятилетие. С 1909 года он являлся бессменным председателем Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, в рамках которого продолжался диалог наиболее ярких представителей столичной интеллигенции и духовенства. Именно этот аспект деятельности А.В.Карташёва выдвинул его в число наиболее авторитетных представителей той части академической интеллигенции Санкт-Петербурга, которая стремилась положить свое научное творчество в основу определенно наметившегося в это время в России процесса всестороннего воцерковления русской духовной культуры. В то же время находясь на посту председателя Религиозно-философского общества, А.В.Карташёв впервые проявил себя в качестве активного общественного деятеля и обнаружил незаурядные организаторские способности, которые во многом стали причиной приглашения А.В.Карташёва в конце марта 1917 году на пост товарища обер-прокурора.

Вступление А.В.Карташёва в должность, которая оставалась в условиях сохранения синодальной системы высшего церковного

управления при отсутствии императора не менее влиятельной, чем до революции, явилось для него шагом отнюдь не случайным. В данном случае, как, впрочем, и во многих других последующих ситуациях, когда жизненные обстоятельства будут требовать от А.В.Карташёва



реализовывать на общественно-политическом поприще свои мировоззренческие принципы, он попытался взять на себя бремя исторической ответственности за проведение глубоко выстраданных и основательно продуманных как им самим, так и всей русской церковной иерархией церковных преобразований. Оказавшись в административном подчинении у бюрократически активного, но богословско-канонически мало компетентного обер-прокурора В.Н.Львова, А.В.Карташёв, ставший в дальнейшем членом Предсоборного Совета пытался всячески способствовать тому, чтобы вопрос о многочисленных церковных преобразованиях и прежде всего о созыве Поместного Собора был передан в ведение русской церковной иерархии, в лице Святейшего Синода.

Уже более двадцати лет пристально изучая русскую церковно-историческую проблематику, А.В.Карташёв пришел к глубокому убеждению не только о чуждости, но и о разрушительности синодальной реформы императора Петра Великого для основ русской церковно-исторической жизни. «Вся глубина дефективности Петровского синодального строя, – напишет впоследствии А.В.Карташёв в своей замечательной книге «Воссоздание Святой Руси», – должна быть понята каждым сознательным гражданином России, не говоря уже о верующих членах церкви. Дело не в историческом анекдоте, как Петр, невзлюбивший «бородачей» за сопротивление его реформам, отменил единоличного патриарха и поставил на то же самое место «соборик» архиереев. Такой миф не без умысла поддерживался в официальной литературе синодального времени. В том-то и дело, что не «на то же самое место», ибо «место-то самое» и было уничтожено. Точнее: – было уничтожено то, что наполняло содержанием это место. А наполняла «это место» власть церкви, независимо от государства, соборно создавать для себя законы и соборно же управляться по ним... Петр...отнял у церкви ее власть соборного самозаконодательства и самоуправления и взял ее себе «яко христианский государь» (по его выражению). Для осуществления этой власти Петр создал министерство (Духовную Коллегию) Синод. Члены Синода, как не церковного, а уже государственного учреждения, должны были присягать императору, как своему «верховному судии», как единственному источнику власти на территории России, с упразднением подобного же, духовно независимого источника церковной власти в лице епископов. Этим был зачеркнут самостоятельный соборный источник церковной власти Синода, его «небесная» (а не государственная) юрисдикция, упразднена каноническая свобода церкви... Петр в своей церковной реформе не был капризным выдумщиком. Он исполнял зовы

своей эпохи... Государство русское восприняло сначала в неясных тенденциях, а при Петре до революционности резко новую идеологию, так наз., «естественного права». По этой идеологии у государства своя, независимая от церкви и неведомая церкви задача. Задача не религиозная, не небесная, а земная, так наз., «общее благо» граждан... земной цели должно быть подчинено все, что существует на данной территории и под данной властью... Для особой независимой власти церкви, хотя бы эта власть и была иной, духовной природы, в государстве нет места. Религия, церковь, духовенство – это только специальные функции общего дела граждан во имя «общего блага»... Такое антиканоническое, еретически-протестантское связывание церкви государством повело в конечном счете и к самоподрыву светской власти. Государство располагало в лице духовного сословия послушным ему «ведомством», как бы армией в рясах, а не свободным советником и полезным авторитетным критиком. Православная теократическая брачная симфония, замененная протестантской субординацией, превратила церковь из жены в безавторитетную прислугу. В критическую минуту смутного времени XVII в. теократическая русская церковь была для государства моральной опорой, даже заменой. Теперь при крушении старого режима этой властной замены, этого у государства в лице церкви не оказалось»<sup>8</sup>.

Рассматривая скорейший созыв Поместного Собора как канонически единственно возможный путь для ликвидации синодальной системы власти, А.В.Карташёв тем не менее уже через двенадцать дней после своего назначения на должность обер-прокурора в июле 1917 года добился во Временном Правительстве принятия законопроекта о создании министерства исповеданий, призванного заменить одиозный аппарат обер-прокуратуры и резко ограничить возможности для государственных чиновников вмешиваться в церковное управление. Высокопрофессиональная деятельность А.В.Карташёва в такой чуждой большинству членов Временного Правительства сфере как церковная политика обеспечила ему весьма прочное положение даже среди во многом ему чуждых министров кабинета А.Ф.Керенского. Показательно, что уже в июне 1917 года А.В.Карташёв был приглашен вступить в конституционно-демократическую партию в качестве специалиста по церковным вопросам, который был необходим этой партии в период подготовки выборов в Учредительное Собрание.

Сыграв одну из ключевых ролей в организации скорейшего созыва Поместного Собора в условиях все более усиливавшейся дестабилизации государственной власти, А.В.Карташёв как государственный деятель,

церковный историк, но прежде всего как верный сын Русской

Православной Церкви пережил свой «звездный час», когда 16 августа 1917 года после Божественной литургии в храме Христа Спасителя на открытии Поместного Собора как министр исповеданий произнес свое приветственное слово членам собора. «Временное Правительство поручило мне, – говорил тогда А.В.Карташёв, – заявить Освященному Собору, что оно гордо сознанием – видеть открытие сего церковного торжества под его сенью и защитой. То, чего не могла дать Русской национальной Церкви власть старого порядка, с легкостью и радостью предоставляет новое Правительство, обязанное насадить и укрепить в России истинную свободу... Временное Правительство сознает себя, впредь до выработки Учредительным Собранием новых основных законов, стоящим в тесной близости к делам и интересам Православной Церкви»<sup>9</sup>.

Вспоминая впоследствии события того исполненного радужных церковно- исторических надежд периода, А.В.Карташёв отмечал: «Все другие деяния Временного Правительства погибли и рассеялись как дым. И только одно его дело: внутреннего освобождения церкви, даже под внешним порабощением большевиков, устояло. Под эгидой Временного Правительства и с его помощью Русская Православная Церковь вернула себе присущее ей по природе право самоуправления по его каноническим нормам. Государственное Учредительное Собрание не удалось и было разогнано большевиками. А Церковное Учредительное Собрание (т.е. первый Поместный Собор), благодаря сочувствию Временного Правительства, успело собраться и сделать свое главное дело: восстановить канонический строй церковного самоуправления с патриархом во главе»<sup>10</sup>.

Однако приобретающий все больший политический опыт А.В.Карташёв все более осознавал губительность для страны общего политического курса правительства А.Ф.Керенского, лишённого политической воли сопротивляться экстремизму большевиков. Связывая перспективу спасения России от большевизма с передачей особых полномочий по наведению порядка в стране Главнокомандующему Русской Армией генералу Л.Г.Корнилову, А.В.Карташёв был возмущен вероломным поведением А.Ф.Керенского в дни выступления генерала Л.Г.Корнилова и готов был подать в отставку с поста министра исповеданий не смотря на только что начавшийся Поместный Собор. В этот трагический для А.В.Карташёва момент лишь обращение во Временное Правительство председательствовавшего в Синоде митрополита Тифлисского Платона (Рождественского) о недопустимости

увольнения А.В.Карташёва обусловило сохранение за ним министерского поста.

Оставшийся в составе Временного Правительства А.В.Карташёв 25 октября 1917 года в ночь рокового для России большевистского переворота разделил участь всех его министров будучи арестованным и заточенным в казематы Петропавловской крепости. Проведя в заточении в Петропавловской крепости и тюрьме «Кресты» три месяца и в какой-то момент лишь чудом в отличии от других министров Ф.Ф.Кокошкина и А.И.Шингарева избежав физической расправы со стороны революционной толпы, А.В.Карташёв был временно освобожден в поднадзорное состояние 26 января 1918 года, когда Поместный Собор, избравший А.В.Карташёва членом Высшего Церковного Совета возобновил работу на своей второй сессии.

Рискуя быть вновь арестованным, А.В.Карташёв отправился в Москву, где в это время на Поместном Соборе, еще недавно принявшем важнейшее определение «О правовом положении Церкви», происходили дискуссии о возможности выработки новых соборных определений, которые должны были отреагировать на наступившие в России большевистские гонения на Церковь, полностью перечеркнувшие определение «О правовом положении Церкви». «Интересно было отношение патриарха Тихона к похороненному большевиками законопроекту, – вспоминал впоследствии А.В.Карташёв. – По освобождении из большевистской тюрьмы, я жил конспиративно в Москве летом 1918-го года. Состоя избранным членом Высшего Церковного Совета при патриархе, я одновременно работал в антибольшевистской политической организации так называемого «левого центра». Между прочим мы разрабатывали программы и законопроекты для декларативного и делового употребления в Южной России, находившейся под управлением генерала Деникина, а также на случай появления национального правительства и в самой Москве. Программа положения церкви в русском государстве была по существу повторением уже изложенной выше системы взаимной свободы при взаимном сотрудничестве обеих сторон. Пред тайной отсылкой программы на юг России, мы с другим общественным деятелем, ныне еще живым, отправились к святейшему патриарху за советом и критикой. В начале сентября 1918 г. патр. Тихон принял нас в своем Троицком подворье как всегда очень ласково, за стаканом чая и даже с самоварчиком. Дослушав до конца внимательно и грустно, он вдруг снисходительно засмеялся над нашими «хорошими словами», как мудрый старец смеется над идеализмом мечтательных юношей. «Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда

все это будет? Конечно не теперь!» Как сын народа, патриарх Тихон тогда уже инстинктивно чувствовал силу и длительность народного увлечения

большевизмом, не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах»<sup>11</sup>.

В этот один из самых драматичных моментов своей жизни А.В.Карташёв оказался перед мучительным нравственным выбором между пассивно созерцательным отношением к большевистским гонениям на Церковь церковного историка и отставленного от дел государственного деятеля и активной, в том числе военно-политической борьбой с большевизмом, подобающей для мирянина гонимой Церкви и патриотически настроенного русского политического деятеля. Этот выбор был сделан А.В.Карташёвым в новогоднюю ночь 1919 года, когда очередной раз рискуя жизнью он нелегально перешел финляндскую границу для того, чтобы по поручению антибольшевистской организации «Национальный центр», продолжавшей подпольно действовать в Москве, вместе с другим замечательным русским ученым-патриотом академиком П.Б.Струве включиться «в активную работу по объединению русских антибольшевистских сил в Финляндии и привлечению последней к походу на Петроград»<sup>12</sup>.

Ключ к пониманию глубинных религиозно-этических мотивов, обусловивших подобный жизненный выбор А.В.Карташёва, содержится в весьма выразительных словах его будущего сподвижника по белой борьбе замечательного русского философа И.А.Ильина, который следующим образом характеризовал духовное содержание революционной эпохи. «За всю внешнюю видимость революции, – от анкеты до расстрела, от пайка до трибунала, от уплотнения до изгнания и эмиграции, от пытки голодом, холодом, унижением и страхом до награбленных богатств и посягания на мировую власть; за всем этим... укрывается один смысл, единый, главный, по отношению к которому все есть видоизменения, оболочка, наружный

вид; этот смысл передается словами: духовное искушение... От этого искушения в России не ушел никто; это испытание настигло всех: от Государя – до солдата, от Святейшего Патриарха – до последнего атеиста, от богача – до нищего. И каждый должен быть в этом небывалом испытании – стать перед лицом Божиим и заявить о себе: или словом, которое стало равносильно делу; или делом, которое стало равносильно смерти»<sup>13</sup>.

Однако будучи не только цельной религиозно-нравственной личностью, но и последовательным религиозным мыслителем А.В.Карташёв предпочел в это время научной деятельности церковного

историка военно-политическую борьбу русского православного патриота следуя краеугольным принципам своего к тому времени уже во многом сформировавшегося благодаря церковно-исторической науке церковного мировоззрения. Убежденный в том, что воцерковление исторического процесса, приблизившееся к своему идеалу в государственно-политической сфере в создании православной империи, нуждается в защите не только со стороны церковной иерархии, но и со стороны православных мирян, А.В.Карташёв стремился конкретно осуществлять эту защиту в условиях беспрецедентных гонений, обрушившихся на Русскую Церковь со стороны зарождавшегося на глазах ученого тоталитарного богоборческого государства, которому удалось почти молниеносно разрушить вековые традиции русской православной имперской государственности. «Восточная церковь, – напишет впоследствии А.В.Карташёв, – с самого начала связала свою историю с историей христианской империи в один целый исторический процесс, где мирское, светское, культурное, экономическое, социальное, правовое, административное, военное начало симфонически должно было сочетаться с небесным, благодатным, аскетическим, созерцательным, литургическим и братским началом церкви в единой и прекраснейшей из симфоний. Разумеется, восточная церковь не была столь наивна, чтобы считать этот идеал легко осуществимым. Она веровала в него вопреки кричащим противоречиям действительности... Наша церковная история и вместе с тем политическая история есть та же непрерывная священная история. Ее смысл, ее сердцевина – все та же провиденциальная, теократическая библейская история... И совершается все это, как и древле, на Богом избранном пути избранного народа, нового Израиля, христианского народа с его христианским государством. Библейская теократия трансформируется, эволюционирует, модернизуется, но не прекращается»<sup>14</sup>.

Именно таким, на первый взгляд парадоксальным образом белая борьба за спасение исторической, национальной России, приобретала для А.В.Карташёва характер борьбы за сохранение в мировой истории одного из наиболее выдающихся проявлений православной имперской государственности, без которого он не мыслил тогда полнокровное историческое служение крупнейшей Поместной Церкви православного мира – Русской Православной Церкви.

Оказавшись в Финляндии, А.В.Карташёв уже 16 января 1919 года был избран председателем Особого Комитета задачей которого являлось подготовка формирования Северо-Западного правительства при одном из

самых выдающихся полководцев первой мировой войны, но политически совершенно неопытном генерале Н.Н.Юдениче. Занимая некоторое время один из один министерских постов, но являясь ближайшим политическим советником генерала Н.Н.Юденича, А.В.Карташёв поддерживал постоянные контакты как с правительствами Верховного Правительства адмирала А.В.Колчака и генерала А.И.Деникина, так и Российским Политическим Совещанием в Париже. Приобретший за короткое время опыт политического деятеля всероссийского масштаба, А.В.Карташёв в суровые годы гражданской войны окончательно избавился от многих прекраснотушных иллюзий русского либерализма и сформировался как практический политик, органично сочетавший в своем мировоззрении приверженность к конституционно-монархической государственности с умением твердо отстаивать национальные интересы России. «Мы уже не те кадеты, которые раз выпустили власть, – подчеркивал А.В.Карташёв в полемике со своими не в меру либеральными даже в годы гражданской войны коллегами по правительству, – мы теперь сумеем быть жестокими»<sup>15</sup>.

Однако военное поражение весьма малочисленной армии генерала Н.Н.Юденича на подступах к Петрограду сделали невозможным дальнейшее продолжение военно-политической борьбы с большевизмом на Северо-Западе России и в 1920 году А.В.Карташёв вынужден был эмигрировать в Париж. Как отмечалось впоследствии в автобиографии А.В.Карташёва, «здесь, ввиду крушения белого фронта на юге России, новая попытка собирания политических сил эмиграции под прежним знаменем в виде Русского Национального Комитета. Русский Национальный Комитет явился в результате довольно широкого «Съезда Русского Национального Объединения» в Париже, в мае 1921-го года, в момент печального сидения Врангелевской армии в Галлиполи, Лемносе и Чаталдже. Нравственная и политическая поддержка остаткам белой армии была злободневной и ближайшей задачей и Съезда и созданного им Рус. Нац. К-та. А.В.К., тогда же летом 1921-го года отправился к генералу Врангелю в Константинополь и к Армии в Галлиполи. Через это был заключен моральный договор национальной солидарности двух автономных русских антибольшевицких организаций – политической (Р.Н.К.) и военной – Армии, переформированной вскоре в Р.О.В.С. Президиум Р.Н.К. приглашался генералом Врангелем на совещание в Белград и в 1924-м году А.В.К. состоял председателем и идеологом Р.Н.К. вплоть до официального закрытия его в 1940-м году уже под немецкой оккупацией»<sup>16</sup>.

За этими лаконичными строчками автобиографии А.В.Карташёва скрывались несколько десятилетий его активной организационной работы и яркой публицистической деятельности, которые были направлены на создание в русской эмиграции широкого антикоммунистического движения, способного духовно и политически сплотить разобщенные общественные силы русской эмиграции для продолжения борьбы за освобождение России, а значит и Русской Православной Церкви от их порабощения самым страшным и кровавым деспотическим режимом в истории нашей страны. По-прежнему осознавая свою политическую деятельность как исполнение духовно-нравственного долга перед Церковью и Россией, А.В.Карташёв даже в критические для политически активной части русской белой эмиграции периоды готов был брать на себя гражданскую и нравственную ответственность за самые решительные действия своих соратников по белой борьбе. Так в 1928 году, когда после многочисленных неудач по созданию антикоммунистического подполья в СССР председатель РОВС генерал А.П.Кутепов отдал приказ о проведении террористических актов на советской территории, А.В.Карташёв оказался одним из не многих идеологов белой эмиграции, которые решились открыто и последовательно поддержать действия «кутеповских» офицеров. «Свят всегда подвиг борьбы с рабством. – писал А.В.Карташёв. – Свят меч белых воинов. Свята рука террористов, к какому бы лагерю они не принадлежали, поднимающаяся и поднимающаяся теперь на исчадий Ленина. Борцов увенчает своим благословением потомство и причтет их имена к сонму героев-освободителей. Ибо они казнили злодеев... Ленинство есть бесовщина. И неудивительно, если совесть церкви разрешает грех убиения в форме военного подвига истребления мечом вождей бесноватых легионов, упорных в своей демонической нераскаянности»<sup>17</sup>.

«Всем своим существом – писал Н.Зернов, – он (А.В.Карташёв. -Г.М.) отвергал большевизм с его утопизмом, интернационализмом, ложью и бунтарством. Он был строитель, «хозяин», стремившийся построить на родной земле праведный строй. Ничего не было более чуждого ему, чем интеллигентская мечтательность, увлечение неосуществимыми проектами, часто сопровождавшиеся незнанием своей действительности и потому легко переходящие на подражание Западу и легкомысленно готовые разрушать устои народной жизни. Эта трезвость Карташёва, его высокая оценка роли государства, его знание прошлого России выделяли его из среды интеллигенции, увлекавшейся обычно абстрактными теориями... Для Карташёва революция была опасным



заболеванием, которое разрушало здоровые ткани народного организма»<sup>18</sup>.

Запечатлевшись в истории Русского Зарубежья подобно своим ближайшим соратникам И.А.Ильину и П.Б.Струве как один из ведущих идеологов политической борьбы белой эмиграции, А.В.Карташёв уже в начале 1920-х годов стал возвращаться к своему главному человеческому, а значит и церковному служению – деятельности церковного историка и православного педагога. Уже в 1921 году А.В.Карташёв начал читать лекции в Русском народном университете в Париже, а на следующий год приступил к чтению лекций на русском отделении историко-филологического факультета Парижского университета, где его преподавание продолжалось до 1939 года.

Придавая первостепенное значение преподавательской деятельности прежде всего в русской аудитории, А.В.Карташёв стремился сплотить разношерстную массу русского студенчества за границей и воспитать у него чувство принадлежности к русской православной культуре. Именно по этой причине в 1921 году А.В.Карташёв принял на себя бремя председательствовать в «Союзе русских студентов во Франции», а летом 1924 года стал одним из главных руководителей первого съезда Русского Студенческого Христианского Движения, в котором впоследствии продолжал играть одну из главных ролей с точки зрения воцерковления мировоззрения студенчества Русского Зарубежья.

Вступив в 1922 году в «Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции», А.В.Карташёв одним из первых предложил выдвинуть кандидатуру замечательного русского писателя И.А.Бунина на присуждение Нобелевской премии по литературе. С 1929 года А.В.Карташёв начал активно участвовать в деятельности «Русской академической группы», сыгравшей громадную роль в развитии научной деятельности и в становлении системы образования Русского Зарубежья.

Все годы своего пребывания в эмиграции А.В.Карташёв постоянно выступал как публицист на страницах ведущих органов эмигрантской периодической печати, предпочитая среди богословских изданий журналы «Путь», «Православная мысль», «Вестник РСХД», а среди светских изданий газеты и журналы правоцентристского направления «Возрождение», «Доброволец», «Борьба за Россию». Одной из ключевых тем публицистического творчества А.В.Карташёва являлась тема будущего возрождения России, в котором, по его глубокому убеждению, важнейшую роль должна была сыграть Русская Православная Церковь. При этом важнейшим условием успеха деятельности Церкви по возрождению как собственной епархиальной и приходской, так и общенародной русской

жизни должно было стать, по мнению А.В.Карташёва, глубокое переосмысление русской церковной иерархией своего положения по отношению к государству, на восстановление традиционных византийско-симфонических отношений с которым уже не приходилось надеяться после происшедших глубоких исторических катаклизмов. «Я сам имел случай слышать на Всероссийском Соборе 1918 года, – писал А.В.Карташёв, – из уст очень консервативных епископов восклицания: «Довольно нам союза с государством! Хрустели наши кости от крепких объятий покровителя – государства, теперь хрустят от гонителей-большевиков! Нет, не надо нам карет и почета, будем ходить пешком и быть свободными, как сектанты, опираясь на верный нам народ». Возможно, что эти слова, сказанные в минуту умственного и морального просветления, в душе многих иерархов могут смениться соблазняющей мечтой о прежнем комфорте и покое под полицейской защитой государства. Но мы предвидим победу более здравого течения. Во-первых, немыслимо возвращение старого государственного строя, история не повторяется. Во-вторых, мученическая жизнь последнего десятилетия очистила души и сменила целое поколение иерархии старого тепличного воспитания. Свободные герои веры, нашедшие опору в народной массе, отстаивающей веру против враждебного ей государства, не будут иметь склонности верить судьбу церкви неверному другу – государству, могущему в любую минуту обернуться злейшим врагом. Такую измену можно претерпеть только раз в жизни, чтобы потерять доверие к устойчивости государственной дружбы. Не государство, катастрофически меняющее свой лик, а верующее общество – вот гарантия прочного устройства церкви, которую уже нашла русская церковь и от которой она не имеет оснований отказываться в дни будущего освобождения России от коммунистического рабства... Бессильные призраки византийской и московской теократии, умершей и невоскресимой, равно и ошибочный культ всемогущества государства, в новой форме опять поднимающей голову в наши дни, должны быть крепко позабыты, чтобы трезво и удачно разрешить практическую задачу момента, т.е. дать церкви свободу и максимум теократических возможностей»<sup>19</sup>.

Предвидя, что посткоммунистическая Россия пойдет по пути создания секуляризованного демократического государства, постепенно передающего свои властные полномочия обществу, А.В.Карташёв допускал возможность возникновения своеобразной «симфонии» Церкви и общества, в которой особая роль должна была принадлежать мирянам. «Без клерикализма церковь может проявлять активность общественную

только через верующие коллективы мирян, борющихся за христианские идеалы внутри общества, на равных основаниях и равным идейным оружием с другими свободными идейными группировками и течениями. Например, в политике: не какая-то партия в рясах или рясы, нагнанные в партию, – чтобы церковь не унижалась до уровня одной из партий и не побивалась, как партия, – а возможно более сильные кадры верующих сынов церкви, мирян-политиков, рассеянных свободно по разным партиям (не по антихристианским, конечно) и везде проводящих изнутри христианские начала в жизнь. В науке, литературе, прессе: не передача университетов, журналов, газет в руки протоиереев – докторов богословия, а организованное (как во Франции, например, Союз католических писателей) участие православно мыслящих ученых, литераторов и публицистов в идейном и просветительном творчестве страны. В народном просвещении: не превращение гимназий и школ в духовные семинарии и церковно-приходские школы, а корпоративное усилие всего, братски организованного, православного учительства проводить в системе образования и воспитания христианскую идеологию, христианский дух вместо культивируемого в педагогике внерелигиозного гуманизма. В социально-экономической борьбе: не проповедническая агитация иерархии в защиту крупных собственников или, наоборот, «гапоновская» демагогия среди социалистически озлобленных пролетариев, а свободное участие в обоих лагерях сталкивающихся «труда и капитала» православных экономистов для привнесения в эту раскаленную атмосферу борьбы охлаждающих и умеряющих начал христианской жертвенности, справедливости, совести, взаимного доверия и человечности, для внутреннего изгнания отсюда дьявольской религии Маркса, религии классовой злобы. В культуре: не замена поэзии патериками и житиями святых, музыки церковными стихирами, живописи иконописанием, а просветление всех видов художественного творчества через сердца верующих и духовно питающихся от церкви художников»<sup>20</sup>.

Однако основная, прежде всего научная и педагогическая деятельность А.В.Карташёва в течение последующих тридцати пяти лет его жизни оказалась связанной со Свято-Сергиевским богословским институтом в Париже. Созданный в 1925 году по благословению митрополита Евлогия (Георгиевского) небольшой группой обреченных на изгнание из родной страны священнослужителей и церковных ученых, Свято-Сергиевский институт вскоре стал ведущим богословским учебным заведением православного мира, которое символизировало собой недавнее величие русской церковной науки, полностью уничтоженной в

большевистской России. Вынужденный в течение четверти века вести преподавание сразу на двух кафедрах: истории церкви и Ветхого Завета с еврейским языком, А.В.Карташёв с поразительной гармоничностью сочетал в своей деятельности талант внимательного и чуткого педагога с непрекращающейся научно-исследовательской деятельностью в рамках всех преподававшихся им научных дисциплин.

Характеризуя духовную сущность богословского творчества ведущих профессоров Свято-Сергиевского института, его будущий ректор епископ Кассиан (Безобразов) писал: «Никакого «Парижского богословия» не было и нет. Есть православное богословие, которого мы держимся, и которое исповедуем. Оно покоится на Предании, и в верности Преданию ищет решения тех жгучих вопросов, которые ставит жизнь... о. Сергий (Булгаков. – Г.М.) свидетельствовал, что... с недавней его проблема была проблема мира. Он искал ее решения в социализме, он пытался ее осмыслить в системе православной софиологии. Эта же проблема мира стоит и в центре исканий А.В.Карташёва. Он обозначает эти искания иначе, чем о.Сергий. Но его искания и искания о. Сергия – одни и те же. Для Антона Владимировича это – борьба за Халкидонский догмат. Определение Четвертого вселенского Собора 451 г. в Халкидоне о соединении Божественного и человеческого естества в лице Богочеловека Иисуса Христа: «неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно» направлено против монофиситов, но исключает из церквей огады и несториан. Под знаком этой борьбы за Халкидонский догмат прошла вся сознательная жизнь А.В.Карташёва, как православного богослова и церковного деятеля»<sup>21</sup>.

Будучи искренне убежден в том, что «в христианской философии и в православном богословии достопамятное и досточудное вероопределение IV Вселенского Собора продолжает ощущаться как мудрое и спасительное руководство в тех же, по существу христологических, вопросах, которые, в специфическом, конечно, преломлении нашего времени, неотступно стоят и разгораются в православном сознании», А.В.Карташёв рассматривал Церковь как исторически зримое воплощение неисчерпаемого содержания Халкидонского догмата. «Церковь была в центре всех работ Карташёв, -подчеркивал Н.Зернов. – Он писал: «Она как тело Христово призвана утолять запросы отдельных личностей и отдельных народов, но и всего человечества, а через человечество и весь мир, всю вселенную»<sup>22</sup>. Церковь открывалась ему в ее конкретных исторических воплощениях, обогащаясь и обогащая всеми достижениями людей и придавая смысл и целеустремленность каждой эпохе в жизни христианского человечества.

Будучи тонким ценителем именно русского православия, он хорошо сознавал опасность абсолютизации даже уже одобренных преданием богословских формул и литургических выражений. Его вера в реальность водительства Святого Духа делала его дерзновенным новатором. Он писал: «Христиане новых веков вовсе не осуждены на роль музейных хранителей эллинских форм догматики. Они, как и древние, суть также живые носители существенного содержания апостольского предания веры»<sup>23</sup>.

Рассматривая Церковь как творческое средоточие мирового исторического процесса во всех его многообразных проявлениях, А.В.Карташёв был убежден в возможности и необходимости соборного творчества в Церкви во все эпохи Ее земного бытия. «Для богословов и живых христиан было бы непростительной, мертво-археологической ошибкой исчерпывать неисчерпаемую глубину соборных сил и талантов церкви только формами исторически бывших соборов, – подчеркивал А.В.Карташёв в своей книге «На путях к Вселенскому Собору». - "Соборность в церкви не только мистически дана во Христе и в Духе Святом, но и исторически опытно задана всем поколениям церковным для посильного осуществления и исполнения... Нельзя ставить пределы соборному творчеству церкви и утверждать, что вероучительная деятельность соборов вся уже закончена по содержанию и сами соборы достигли совершенства в их конституции... Нельзя пути соборной жизни церкви в настоящем и будущем превращать в механическую бухгалтерию и стучать цитатами из древности, как мертвыми костяшками на счетах.

Церковь не настолько обмерла и закоченела, чтобы и темы и формы ее соборов раз навсегда кристаллизовались и превратились в круговорот механических повторений. Как страшен был бы сон о такой усопшей церкви, но милостив Бог: она жива и «николиже стареет, но присно юнеется», по слову славянского Златоуста. Формы соборности были одними в одно время и другими в другое в зависимости от температуры соборности»<sup>24</sup>.

Связывая перспективу пробуждения вселенского церковного творчества с обретением творческого дерзновения именно Православной Церковью, А.В.Карташёв стремился обозначить конкретно исторические причины угасания богословского творчества на православном Востоке и указать пути его возрождения. «У Востока осталась от древности лишь туманная идея «вселенскости», не воплощенная теперь ни в чем, кроме почетного титула Константинопольских патриархов. А когда-то под этим разумелась «икумени"-ромейская империя и ее глава, икуменический-вселенский царь православный, придававший телу церкви внешнее

единство и по идее охранявший ее свободу. Но мечтательный, непрактичный Восток и не заметил, как история безжалостно похитила у него эту внешнюю ненадежную, преходящую опору его «вселенскости» -имперского единства и взамен ее не оставила ничего. Пробел, оставшийся в системе восточного единства ничем не заполненным, заполнить нам необходимо. Мистика вселенского (уже не в государственном, а чисто церковном смысле) единства, не исключает, а, наоборот, требует организационного, делового, административного воплощения этого единства. И его можно и нужно создать через систему всеправославных соборов... Не касаясь догматики, например, давно назрели вопросы о ликвидации разных расколов, о богослужбных чинах и обрядах, об уставе, о постах, о календаре, о роли мирян в церкви, о соотношении библейской традиции и библейской науки, об ориентации церкви в проблемах политики, экономики и культуры, и много других вопросов, чувствительно близких отдельным поместным церквам. Для одного только полного списка их и правильной классификации нужен всевосточный на базе ряда местных соборов»<sup>25</sup>.

Глубокая вера А.В.Карташёва в неисчерпаемый творческий потенциал православной богословской традиции обуславливала этого столь укорененного в традиционном русском церковном благочестии православного христианина вдохновенно и доброжелательно вступать в дискуссии с инославными богословами в рамках уже продолжавшегося несколько десятилетий диалога между представителями Русской Православной Церкви и англиканами. «Карташёв никогда не забывал о вселенскости Церкви, – писал Н.Зернов. – Он живо интересовался экуменическим движением и принимал участие в работе Содружества св.Албания и преп. Сергия Радонежского. Он считал примирение христиан самой насущной задачей нашего времени. В своей замечательной статье «Соединение церквей в свете истории»... он решительно опровергает тех православных богословов, которые, под влиянием Запада, учат о прекращении церковной жизни вне пределов восточных автокефальных церквей, перенося на православную почву римо-католическую догматику. Он пишет: «Древние каноны обязуют нас признавать реальность таинств в церквях схизматических и еретических... Все верующие во Святую Троицу и вошедшие через дверь крещения суть сыны вселенской церкви, хотя обилие благодати в них не одинаково, смотря по степени соблюдения апостольской веры»... Карташёв считал благочестивой утопией надежду многих, что богословы, сидя за круглым столом, найдут мирное решение всех догматических разногласий и таким образом будет восстановлено

потерянное единство церкви. Он был уверен, что без борьбы и усилий эта о желанная цель не будет достигнута»<sup>26</sup>.

Однако ближайшую перспективу церковного возрождения в современном секуляризованном мире А.В.Карташёв связывал прежде всего с развитием богословского творчества среди представителей Поместных Православных Церквей, все более вовлекавшихся в траекторию научной и просветительской деятельности Свято-Сергиевского института. Знаменательным событием для А.В.Карташёва в этом отношении стало участие в I конгрессе православных богословов в Афинах в 1936 году.

Являясь поборником подлинно свободного богословского творчества, А.В.Карташёв в то же время готов был вести полемику в случаях, когда это творчество вступало даже в незначительные противоречия с соборно принятыми догматическими формулировками церковного вероучения. Одним из предметов подобной богословской критики со стороны А.В.Карташёва явилась разрабатываемая его другом и коллегой по Свято-Сергиевскому институту протоиереем Сергием Булгаковым софиология. «...Отец Сергий, в основных линиях своего религиозно-философского творчества ученик и продолжатель В.Соловьева, – писал А.В.Карташёв, – безупречно укладывается в рамки Халкидонской ортодоксии, но внутри них, как и его учитель, он во всю ширь развертывает и доктрину всеединства, и доктрину софиологии. В.Соловьев превзойден в этих смелых полетах богословствования О.С.Булгакова. Но наряду с победами, одержанными последним на полях спекулятивной философии, выступают неизбежно и поражения..., т.е. иллюзорность роли Софии в постижении тайны творения, промышления и спасения мира и соскальзывающее в пантеизм объяснение взаимосвязи Бога и мира»<sup>27</sup>.

Важнейшим аспектом церковно-общественной деятельности А.В.Карташёва в 1920–30-х годах являлось почти постоянное участие Епархиального Совета, действовавшего при митрополите Евлогии (Георгиевским) и имевшего весьма значительное влияние на церковную жизнь русской диаспоры в Западной Европе. В этот сложный для митрополита Евлогия период противостояния сначала с Зарубежным Архиерейским Синодом, а затем и с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) и вплоть до перехода епархии митрополита Евлогия в 1931 году под омофор Вселенского Патриарха А.В.Карташёв был одним из самых последовательных в Епархиальном Совете сторонников сохранения в церковной жизни русской эмиграции принципов епархиальной и приходской жизни, основанных на определениях Поместного Собора

1917–1918 годов.

Вторая мировая война поставила А.В.Карташёва как и многих других активных политических деятелей белой эмиграции перед необходимостью определить свою позицию по отношению к возможной поддержке Германии в борьбе против уже четверть века терзавшего Россию коммунизма. До конца своих дней непримиримо боровшийся против коммунизма А.В.Карташёв сумел достойно пройти между тоталитаристско-богоборческими Сциллой и Харибдой нацизма и коммунизма, воздержавшись от сотрудничества германскими властями и не обольстившись победами Красной Армии, остававшейся для него орудием коммунистического режима, который по прежнему являлся главной угрозой для христианской цивилизации.

«Всем памятли темные дни начала второй мировой войны, трагические для мира, критические для Академии, – писал в 1960 году будущий ректор Свято-Сергиевского института протоиерей Алексей Князев. – Академия в эти дни оказалась отрезанной от поддерживавших ее друзей; более половины ее профессоров, выехавших на лето за границу, не смогли вернуться в нее из-за начавшихся военных действий. Из профессоров, возглавлявших ее, в Париже в сентябре 1939 года находились только Антон Владимирович и только что перенесший тяжелую операцию о.Сергий Булгаков. Все обрекало Академию на закрытие. Антон Владимирович решил не прекращать работу, не смотря ни на какие обстоятельства. И Академия сохранилась, выжила вопреки трудным условиям, связанным с войной и оккупацией. Более того, это были годы напряженной, творческой, плодотворной работы. Академии пришли в помощь новые друзья. Она воспитала в эти годы то младшее поколение священнослужителей, богословов, церковных деятелей, которое обеспечило смену старшему поколению и которое в настоящий момент занимает профессорские кафедры и ответственные церковные посты, как в Западно-европейском Русском Экзархате, так и в других местах русского рассеяния»<sup>28</sup>.

Продолжая в тяжелые годы второй мировой войны совершенствовать основные научные труды своей жизни лекционные курсы по истории Древней Церкви и русской церковной истории, А.В.Карташёв попытался подвести своеобразный научно-мировоззренческий итог своей научно-преподавательской деятельности на кафедре Ветхого Завета, которую к этому времени он возглавлял уже около двадцати лет. Со свойственными ему научной добросовестностью и нравственной последовательностью А.В. Карташёв счел необходимым в своей актовой речи, произнесенной 17



февраля 1944 года и опубликованной отдельной книгой в 1947 году, резко поставив до того времени обходившуюся в православной библеистической науке почти полным молчанием проблему необходимости осмыслить основные результаты осуществлявшейся уже более ста лет ветхозаветной библейской критики. «Вопрос о прохождении ветхозаветной дисциплины сквозь горнило критического метода в богословских школах всех православных стран, – писал А.В.Карташёв, – остается до сих пор еще непечатным делом. И столь старая в науке тема, как ветхозаветная библейская критика, звучит у нас на Востоке еще некоей новинкой... Отказ от методов и уже огромных положительных достижений истинно-научной библейской критики в наше время равносителен обречению себя на отказ от здравого богословского понимания Библии, а иногда и просто от здравого смысла... Некритическое принятие сказочной оболочки древних чудес порождает подозрение, что их никогда и не было, что небо всегда молчит. Как будто оно молчит в наши дни! Так суеверная вера ведет к атеизму. Вера, искушенная и живая, с дерзновением утверждает: да, времена всегда одинаковы; и теперь не меньше чудес, чем прежде, и тогда было не больше, чем теперь, ибо священная история продолжается... Критическая работа тут уместна потому, что она прилагается к подлежащему ее ведению человеческому элементу: он здесь полностью дан. Дан, ибо Библия есть не только слово Божие, но и слово человеческое в их гармоническом сочетании, точнее – слово богочеловеческое... С лозунгом: «слово богочеловеческое», мы утверждаемся на незыблемой скале Халкидонского догмата. Это чудесный ключ, открывающий путь к самым центральным спасительным тайнам нашей веры и в то же время это благословение на безгрешное построение в православии критического библейского знания... Человеческое начало в «слове Божиим», таким образом, узаконяет введение в библейскую науку исторического метода с его руководственной идеей развития, эволюции, которой подчинено все человеческое, ограниченное в пространстве и времени... Но смысл Писания переносный, духовный, пророческий, догматический при этом навсегда остается для нас в основе неизменным и обязательным в том виде и духе, как нам открыли его святые апостолы и их духоносные преемники – отцы, столпы церкви»<sup>29</sup>.

Как справедливо отмечал будущий ректор Свято-Сергиевского института протоиерей Алексей Князев, «критицизмом далеко не исчерпывался библеизм Антона Владимировича. Он вникал в Писание и через богослужение и молитву, на основании буквы и общего духа текстов оправдывал правильность их истолкования в церковном предании. И

потому, не смотря на всю свою ученую аппаратуру, это был истинно церковный, христианский, подлинно богословский библеизм, которым Антон Владимирович воспламенял сердца своих слушателей, попутно свидетельствуя о своем внутреннем горении»<sup>30</sup>.

Однако в целом актовая речь А.В.Карташёва, призывавшая не только осмыслить, но и во многом принять основные выводы научной библейской критики вызвала противоречивую реакцию православной научной общественности. «На нее болезненно реагировал и такой бесстрашный человек, как покойный митрополит Евлогий, – писал епископ Кассиан (Безобразов). – Владыка был, конечно, неправ. Можно соглашаться или не соглашаться с теми конкретными результатами, к которым пришла или приходила библейская наука в Западной Европе. Теория Велльгаузена о происхождении Пятикнижия вызывает и чисто научные возражения. Но нельзя отрицать за ученым богословом права критического исследования, искания человеческих истоков богодухновенных писаний. Тем более, что верность Антона Владимировича Халкидонскому догмату утверждает не только право человеческого начала, но и примат Божественного. Этим приматом Божественного начала отмечено все служение Антона Владимировича. Ему верна и его библейская работа»<sup>31</sup>.

Весьма показательно, что не смотря на и по сей день сохраняющуюся дискуссионность этой работы А.В.Карташёва, которую сам автор рассматривал как один из важнейших своих вкладов в православную богословскую науку, декан Свято-Сергиевского института протоиерей Сергей Булгаков при поддержке почетного ректора института митрополита Евлогия выдвинул предложение, чтобы именно за «Ветхозаветную библейскую критику» А.В.Карташёв был удостоин звания доктора церковных наук «Боппз санза». Данный эпизод стал наглядным свидетельством того, что созданный при столь активном участии А.В.Карташёва Свято-Сергиевский богословский институт сумел обрести в своих стенах атмосферу подлинно свободного, исполненного духа христианской любви богословского творчества, которого подчас так не доставало богословским школам дореволюционной России.

Период конца 1940–1950-х годов был ознаменован для А.В.Карташёва завершением двух важнейших фундаментальных церковно-исторических трудов, обессмертивших имя замечательного ученого в истории православной богословской науки – двухтомных «Очерков по истории Русской Церкви»<sup>32</sup>, вышедших в 1959 году незадолго до кончины их автора, и опубликованного через три года после смерти А.В.Карташёва

исследования «Вселенские Соборы»<sup>33</sup>. Ставшие результатом нескольких десятилетий кропотливой научно-исследовательской работы в двух основных направлениях творчества А.В.Карташёва – русской церковной истории и истории Древней Церкви, эти книги подвели блистательный итог его выдающейся церковной жизни и подвижнической научной деятельности. Рамки данной статьи не позволяют хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать значение этих фундаментальных и по сей день наиболее известных трудов в истории православной церковной науки. Достаточно лишь отметить, что благодаря написанию только этих исследований имя А.В.Карташёва может быть поставлено в один ряд в области русской церковной истории с именами митрополита Макария (Булгакова) и академика Е.Е.Голубинского, а в области византологии с именами В.В.Болотова и А.П.Лебедева.

И все же в истории русской церковной науки А.В.Карташёву суждено было запечатлеться не только как выдающемуся ученому, но и как замечательному просветителю и педагогу, убежденному в том, что в церковной жизни наука и культура никогда не должны оставаться «эзотерическим» уделом лишь незначительной интеллектуальной элиты. Неслучайно в памяти коллег и учеников А.В.Карташёв остался человеком органично сочетавшим в себе образ отрешенного от житейской суеты ученого и погруженного в решение конкретных жизненных проблем своих учеников педагога. «А.В. был сыном севера, – писал Н.Зернов. – Со светлыми глазами и аккуратно подстриженной бородой. Он был нетороплив и складно сложен. В нем чувствовалась большая сила, но она не давила, так как в ней сочетались светлый ум и доброжелательное сердце. А.В. умел внимательно слушать. Слегка склонив голову, он воспринимал собеседника, интересовался его мыслями. Он был зорким, талантливым историком, его особым дарованием было умение говорить. Плавно жестикулируя, слегка закрывая глаза, как бы погружаясь в себя, он, подобно мощной реке, уносил с собою своих слушателей. Он покорял их не ораторскими эффектами, а ясностью своей мысли, пластичностью своих образов и глубиной и оригинальностью своих исторических прозрений»<sup>34</sup>.

«Он был доступен решительно всем, – вспоминал протоиерей Алексей Князев, – в нем не было ни капли снобизма, который заставлял бы его гнушаться людьми. Если же он с кем-нибудь расходился или по поводу кого-нибудь впадал в негодование, то это было только по причинам принципиального характера, в частности, по своей непримиримости к советской власти и по нетерпению в этой области никаких компромиссов.

Но и эти случаи были редким явлением. Вообще же он был заранее открыт всякому проходящему к нему: он с таким же вниманием и радушием принимал коллег, соратников, представителей культуры и общественности, как и какого-нибудь заурядного студента, пришедшего к нему для разрешения незадачливого вопроса. Всех он понимал, когда надо поддерживал, воодушевлял своим примером непоколебимой верности Христу, Церкви, России, идеалу Святой Руси. Всем давал обильно питаться от своего колоссального опыта. Жизненного, научного, церковного, духовно-благодатного, над умножением которого он, как раб и ученик Христов, не престаивал трудиться до последнего вздоха»<sup>35</sup>.

Мучительно переживая не только разрушение церковной жизни, но и полное уничтожение церковной науки в коммунистической России, А.В. Карташёв видел главное призвание богословской школы в русской церковной эмиграции в сохранении и приумножении тех творческих богатств, которые были накоплены в церковной науке России начала XX века и без которых; Но мнению А.В.Карташёва; было невозможно подлинное возрождение Православной Церкви в России. «Страшная вещь – богословское невежество и культурное одичание для христианской церкви! – писал А.В.Карташёв. – Кто видал своими глазами церковную жизнь коптов, абиссинцев, несториан, яковитов, тот поймет, о чем я говорю. Просвещение, наука, культура требуются Божественным Откровением. Ветхий и Новый Завет не могли явиться ни в Центральной Африке, ни в Австралии, ни вообще где-либо у безграмотных дикарей. Пророки, апостолы и учителя церкви изложили Божественное Откровение в формах мышления и языка наиболее высоких в то время культур земного шара. В культурных условиях христианская мудрость сияет настолько же ярче и прекраснее, насколько чудеснее преобразуется драгоценный камень после его огранения. Петр Великий и заставил, почти силой, русскую церковь, как и всю Россию, пройти научную выучку... И это послужило русской церкви на пользу и украшение. Родилась впервые в истории русской церкви сначала подражательная, а затем и самостоятельная церковная наука и, наконец, самостоятельная богословская мысль. Русская церковь из слишком затянувшегося ее младенческого возраста перешла в цветущий юношеский возраст и обещает вступить в полноту сил «мужа совершенна». Русский мыслитель сказал о диктаторском методе просвещения русского народа: «Петр бросил вызов России – и она через 50 лет ответила ему явлением Ломоносова (гений науки), а через 100 лет -явлением Пушкина (гений литературы). К этому мы можем добавить: а в церкви явлением Филарета

Московского, а за ним и целой плеяды еще более ученых, чем он, епископов – членов Академии наук (митрополиты Евгений Киевский, Филарет Черниговский, Макарий Московский, Сергей Владимирский и др.), многих ученых богословов, приобретших себе известность в мировой науке. Мы имеем блестящих проповедников и духовных писателей. Имеем богатую богословскую журналистику и уже огромные библиотеки своей собственной русской научно-богословской книжности. Русские ученые богословы впервые дали своему народу Библию на живом разговорном языке. Начата работа по изданию критического текста Библии на церковно-славянском языке... Что сказать о духовных силах нашей церкви в ее настоящем угнетенном положении? Они проявились, даже для нас неожиданно, в великом подвиге мученичества и подвижничества... сотнями тысяч исчисляются новые мученики и страдалцы за веру Христову, уже вознесшиеся на небо и еще здесь непрерывно заключаемые в тюрьмы, ссылаемые на каторгу и скрывающиеся в катакомбах, физических и духовных. По известному закону церкви, «кровь их, конечно, будет семенем новых христиан»..., кровь мучеников и героическая интенсификация церковного ядра, вера «претерпевшего до конца» меньшинства, «святой остаток» пророка Исаяи. Из него выйдет «отрасль» и забьет ключ благочестия, когда раскованы будут у народа уста и сердца... Одно только страшит нас. Эта борьба не на живот, а на смерть с антихристианской, чуждой нам властью III Интернационала, как и весь вообще варварский процесс революции, страшно понизили уровень русской культуры и нравственности народных масс. Церковь теряет ту драгоценную для нее силу просвещения, которая подняла ее на небывалую высоту в Синодальный период. Наши усилия здесь, в эмиграции, направлены к тому, чтобы сберечь для одичавшей России максимум богословской культуры, какой в наших силах. Нам страшно превращаться в христианских коптов и эфиопов. Мы хотим сохраниться русскими христианами начала XX века»<sup>36</sup>.

Многолетняя и многогранная научно-богословская и церковно-педагогическая деятельность А.В.Карташёва, конечно, была бы невозможна без наличия в его духовной жизни глубокого молитвенно-литургического опыта, более всего духовно обогащавшего его личность. «На вопрос: что главное в Антоне Владимировиче? – писал епископ Кассиан (Безобразов), – я отвечу одним образом: церковь Сергиевского Подворья, и в ней Антон Владимирович, восьмидесятилетний, на клиросе студенческого хора. Регент, из студентов одного из недавних выпусков, еще совсем молодой, знает, что Антон Владимирович приходит раньше

других и не пропускает никогда»<sup>37</sup>.

«Он, по собственному выражению, постоянно «пропагандировал» некоторые службы, как, напр., утреню Акафиста, совершаемую в субботу 5-ой седмицы Вел. Поста, – отмечал протоиерей Алексей Князев, – службы замечательные по красоте и содержанию, но мало известные широкому церковному обществу. А своим слушателям в академии он и примером и словом неутомимо пытался внушить сколько то, что он красочно побурсацки называл иногда «дьячковской наукой», может открыть верующему сердцу и богословствующему уму»<sup>38</sup>.

Господь сподобил А.В.Карташёва прожить долгую, исполненную исторических потрясений и метаисторических прозрений земную жизнь, но его 10 сентября 1960 года кончина оказалась тихой и умиротворенной. «За несколько дней до кончины, – вспоминал протоиерей Алексей Князев, – он еще составлял латинский текст почетных докторских дипломов ввиду предстоящего празднования 35-летнего юбилея Свято-Сергиевской парижской Академии. Для всех окружающих, до самого конца он продолжал быть воплощением стихийной жизненной силы и творческого вдохновения. И однако сам Антон Владимирович, как об этом знают все близкие ему, постоянно вспоминал о неизбежности смертного часа и непрестанно и усиленно готовился к нему. «Се тебе талант Владыка вверяет, душе моя, страхом прими дар». Эта стихира Великого Вторника с некоторыми другими песнопениями Страстной Седмицы была, по желанию почившего, неоднократно им выражаемому, пропета над его гробом во время его отпевания... Вспоминается только что пережитое погребение А.В.Карташёва. Хмурый сентябрьский день. Часто срывающийся сильный дождь бьет в окна храма. Небольшая Успенская церковь на русском кладбище полна молящихся, прибывших не смотря на непогоду и на дальность расстояния, воздать последний долг усопшему... Епископу Кассиану, ректору Академии, совершающему заупокойную литургию и чин отпевания, сослужат ученики покойного, облеченные в священный сан. В алтаре присутствует епископ, представляющий Вселенского Патриарха. Хор, состоящий в значительной части из студентов и бывших студентов Академии, вместе с погребальными песнями исполняет и некоторые песнопения Страстной Седмицы, которые особенно любил покойный. С этим хором часто пел сам Антон Владимирович. Иногда кажется, что и теперь к его пению присоединяется и его голос». В возрождающейся церковной жизни современной России звучат разнообразные, чаще всего велеречивые голоса. Насколько созвучными окажутся они голосу замечательного православного ученого и

русского патриота А.В. Карташёва покажет ближайшее будущее как русской церковной науки, так и русской богословской школы.

---

## Примечания

- <sup>1</sup> - Николай Зернов. А.В.Карташёв. А.В.Карташёв. Церковь, История, Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с.6.
- <sup>2</sup> - Автобиография Антон Владимировича Карташёва (1875–1960). Вестник Русского Студенческого Христианского Движения, Париж – Нью-Йорк, 1960, № 58–59, III-IV, с.57.
- <sup>3</sup> - Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991, с.110.
- <sup>4</sup> - Карташёв А. Русская Церковь в 1905 г. СПб., 1906, с. 1–2. Карташёв А.В. Православие в его отношении к историческому процессу. Церковь История Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с.50, 52.
- <sup>5</sup> - Кассиан (Безобразов), епископ. Антон Владимирович Карташёв. Православная мысль, 1957, вып. XI с.9–10.
- <sup>6</sup> - Карташёв А.В Свобода научно-богословского исследования и церковный авторитет. Церковь История Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с.27–28.
- <sup>7</sup> - Карташёв А.В. Православие в его отношении к историческому процессу. Церковь История Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с.46.
- <sup>8</sup> - Карташёв А.В. Воссоздание святой Руси. М., 1991, с. 103–105, 109.
- <sup>9</sup> - Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн.1, вып.2. Деян. 1-У. М., 1918, с.29.
- <sup>10</sup> - Карташёв А.В. Временное Правительство и Русская Церковь. Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995, с.10.
- <sup>11</sup> - Там же, с.26.
- <sup>12</sup> - Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. 1918–1920 гг. СПб., 1999, с.68.
- <sup>13</sup> - Ильин И.А. Государственный смысл белой армии. Родина и мы. Смоленск, 1995, с. 189–190.
- <sup>14</sup> - Карташёв А.В. Православие в его отношении к историческому процессу. Церковь История Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с.50, 52.
- <sup>15</sup> - Смолин А.В. Указ, соч., с.225.
- <sup>16</sup> - Автобиография Антон Владимировича Карташёва (1875–1960). Вестник Русского Студенческого Христианского Движения, Париж – Нью-



Йорк, 1960, №58–59, III-IV, с.60.

<sup>17</sup> - Карташёв А.В. Божий меч. Россия и славянство. 1928, №2, 8 декабря. Цит.по Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999, с. 152.

<sup>18</sup> - Николай Зернов. Указ.соч. с.9.

<sup>19</sup> - Карташёв А.В. Церковь и государство. Церковь История Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с.236–237, 239.

<sup>20</sup> - Карташёв А.В. Церковь как фактор социального оздоровления России. Церковь История Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с.249.

<sup>21</sup> - Кассиан (Безобразов), епископ. Антон Владимирович Карташёв. Православная мысль, 1957, вып. XI с. 12.

<sup>22</sup> - Карташёв А.В. IV Вселенский Собор-Церковь История Россия, Статьи и выступления. М., 1996, с. 117–118.

<sup>23</sup> - Николай Зернов. Указ, соч., с. 10.

<sup>24</sup> - Карташёв А.В. На пути к Вселенскому Собору. Париж, 1932, с.51–52.

<sup>25</sup> - Там же, с. 16–17,20–21.

<sup>26</sup> - Николай Зернов. Указ, соч., с. 10–11.

<sup>27</sup> - Карташёв А.В. IV Вселенский Собор. Церковь История Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с. 117.

<sup>28</sup> - Князев Алексей, прот. Памяти А.В.Карташёва. Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж-Нью-Йорк, №58–59, ГИТУ. 1960, с.69–70.

<sup>29</sup> - Карташёв А.В. Ветхозаветная библейская критика. Париж, 1947, с. 11–12, 27, 45, 72, 74, 77.

<sup>30</sup> - Князев Алексей, прот. Указ, соч., с.67.

<sup>31</sup> - Кассиан (Безобразов), епископ. Указ, соч., с. 14.

<sup>32</sup> - Карташёв А.В. Очерки по истории Русской Церкви. 1-П тт., Париж, 1959

<sup>33</sup> - Карташёв А.В. Вселенские Соборы. Париж, 1963.

<sup>34</sup> - Николай Зернов. Указ, соч., с.8.

<sup>35</sup> - Князев Алексей, прот. Указ, соч., с.68.

<sup>36</sup> - Карташёв А.В. Русская Церковь периода империи. Россия. Статьи и выступления. М., 1996, с. 176–177, 181–182

<sup>37</sup> - Кассиан (Безобразов), епископ. Указ, соч., с. 15.

<sup>38</sup> - Князев Алексей, прот. Указ, соч., с.67.

## Содержание

протоиерей Георгий Митрофанов Антон Владимирович Карташёв – русский богослов и церковный историк, государственный и общественный деятель протоиерей Георгий Митрофанов	1
Примечания	32